Альбина Сабиева

Записки безумного психолога

18+

Альбина Сабиева

Записки безумного психолога

«Автор»
2026

Сабиева А.

Записки безумного психолога / А. Сабиева — «Автор», 2026

Эта книга — не сборник академических лекций и не слащавое пособие по саморазвитию из серии «Как полюбить себя за пять шагов». Это анатомический атлас человеческих грехов, извращений, потаенных страхов и взрослых трагедий, препарированных скальпелем безжалостной правды. Все истории подлинны, хотя имена, внешности и профессии изменены до неузнаваемости — не из гуманизма, а исключительно из соображений защиты от исков о нарушении врачебной тайны.

© Сабиева А., 2026
© Автор, 2026

Альбина Сабиева
Записки безумного психолога

ЗАПИСКИ БЕЗУМНОГО ПСИХОЛОГА
Хроники с той стороны кушетки: исповедь, диагнозы и взрослые игры

ВВЕДЕНИЕ. Анатомия профессиональной паранойи

Каждый вечер ровно в восемь я запираю тяжелую дубовую дверь своего кабинета на два оборота ключа. Этот металлический щелчок — единственная граница, отделяющая вымышленный конструкт человеческой нормальности от хаоса, который кипит в головах тех, кто платит мне пятьсот долларов за шестьдесят минут иллюзии спасения.

Меня зовут Виктор, и я клинический психотерапевт с двадцатилетним стажем. Если быть до конца честным (а здесь, на этих страницах, лгать бессмысленно — ложь слишком утомительна и энергозатратна), я шарлатан высшей пробы, жрец современного культа узаконенного вуайеризма. Общество наделило меня и моих коллег функциями средневековых инквизиторов и исповедников в одном флаконе. К нам приходят не за истиной. Истина омерзительна, она пахнет застарелым потом, подавленной похотью, страхом нищеты и первобытной жаждой перегрызть глотку ближнему своему ради лишнего глотка воздуха. К нам приходят за индульгенцией. За тем, чтобы ухоженный человек в дорогом костюме и с мягким, бархатным голосом посмотрел поверх роговых очков и произнес заклинание: *«Это нормально. С вами все в порядке. Вы не чудовище. Просто ваш внутренний ребенок травмирован»*.

Какая чушь.

Человек — это чудовище, научившееся носить запонки, пользоваться столовыми приборами и прятать свои девиации под слоями социально одобряемых статусов. И чем безупречнее отглажен воротничок клиента, тем чернее бездна, в которую он падает по ночам, когда выключается свет и перестают действовать социальные фильтры.

Почему «записки безумного»? В нашей профессии есть негласное правило: если ты долго смотришь в чужое помешательство, оно не просто начинает смотреть в тебя — оно обустраивается в твоей гостиной, пьет твой коллекционный виски и спит с твоими принципами. Нормальных психотерапевтов не существует. Либо ты циничный социопат, научившийся виртуозно монетизировать чужие депрессии, либо ты латентный шизофреник, пытающийся через починить сломанные шестеренки чужих душ собрать собственный рассыпающийся рассудок. Я совмещаю в себе оба этих амплуа с изяществом канатоходца, балансирующего над чаном с кипящей серной кислотой.

Добро пожаловать по ту сторону кушетки. Снимите обувь, оставьте свое лицемерие в прихожей и помните: выход отсюда платный, а цена — крушение всех ваших иллюзий о самих себе.

ЧАСТЬ I. ТАЙНЫЕ КОМНАТЫ РАЗУМА

Записка 1. Синдром идеальной клетки: Анатомия шелкового удушья

Маргарите было тридцать шесть. Когда она впервые переступила порог моего кабинета, воздух вокруг нее словно потерял температуру. Дорогая серая шерсть кашемирового пальто, идеальное каре волосок к волоску, ни миллиграмма лишнего веса, тонкий шлейф селективного парфюма с нотами холодного ладана и горького миндаля. Жена венчурного капиталиста, благотворительница, мать двоих детей, обучающихся в закрытой школе под Женевой. Образец совершенства, сошедший со страниц журналов об интеллектуальном шике.

Она села в кресло напротив, положила безупречно наманикюренные руки на колени и замолчала. Прошло пять минут. Десять. Мы играли в любимую игру новичков — проверку

терапевта на терпение. Я молча курил электронную сигарету (да, нарушая правила клиники, но в моем кабинете правила устанавливаю я).

— Я хочу, чтобы он умер, — наконец произнесла она. Голос был ровным, без единой вибрации, словно она зачитывала прогноз погоды для полярной станции. — Ваш муж? — уточнил я. — Да. Но не просто умер от сердечного приступа или аварии. Я хочу, чтобы он медленно угасал, зная, что это я лишаю его жизни. Капля за каплей. И самое ужасное, Виктор… от этой мысли у меня впервые за десять лет увлажняется белье.

Вот она — искренность, ради которой я все еще не сменил профессию на разведение кактусов в Португалии. Никакой фальшивой слезливости, чистый, незамутненный концентрат запретного желания.

В течение трех месяцев мы вскрывали ее «идеальный» брак, слой за слоем обнажая изощренную систему психологического садизма. Ее муж, внешне харизматичный филантроп и меценат, дома был архитектором тотального контроля. Он не бил ее. Физическое насилие — удел примитивных умов. Он контролировал ее дыхание, калораж ее блюд, угол наклона ее головы во время светских приемов, плотность ткани ее ночных сорочек. Он превратил ее жизнь в стерильный саркофаг, где любая спонтанность приравнивалась к измене.

— Знаете, что он сделал в прошлый вторник? — спросила она на двенадцатой сессии. Ее глаза лихорадочно блестели. — Он заставил меня переодеться четыре раза перед ужином с партнерами, потому что оттенок помады не соответствовал индексу Доу-Джонса. Он так и сказал: «Марго, сегодня рынки падают, твой образ должен транслировать устойчивую консервативность, а не фривольность».

— И что вы почувствовали? — Я пошла в ванную, закрылась, достала бритвенное лезвие… и срезала тонкий лоскут кожи со своего бедра. Кровь стекала на мраморный пол. Я смотрела на нее и чувствовала оргазм. Виктор, я схожу с ума?

Я посмотрел на нее и улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой у моих университетских преподавателей начинался нервный тик. — Нет, Маргарита. Вы не сходите с ума. Вы просто впервые за десять лет почувствовали, что ваше тело принадлежит вам, а не вашему супругу. Боль — это последний бастион автономии, когда у человека отобрали все остальные права. Вопрос лишь в том, почему вы режете себя, а не его парадные галстуки?

Наш терапевтический альянс развивался по классическому сценарию эротического и агрессивного переноса. Маргарита начала видеть во мне карающий меч своего возмездия. Она приходила в вызывающе коротких платьях, забывала надеть нижнее белье, садилась, закинув ногу на ногу, бросая вызов моему профессионализму.

Взрослые игры в кабинете психолога — это минные поля. Пациентка хочет соблазнить аналитика не потому, что он привлекателен как мужчина, а чтобы низвести его до уровня побежденного врага. Секс — это власть. Подчинив терапевта, она уничтожает фигуру судьи и делает его соучастником своего греха.

— Вы хотите переспать со мной, Виктор? — спросила она однажды в лоб, наклонившись вперед так, что вырез ее шелковой блузы обнажил ключицы и край кружевного бюстье. — Переспать с вами было бы непрофессионально, банально и скучно, Маргарита, — ответил я ледяным тоном, глядя ей прямо в зрачки. — Вы ищете нового хозяина взамен старого. Вы хотите обменять одну золотую цепь на другую, надеясь, что мои наручники будут обиты бархатом. Но я не покупаю рабов. Я учу их поджигать плантации.

Она замерла. В ее глазах промелькнула ярость, сменившаяся глубоким, экзистенциальным ужасом. Это был момент слома. Мы подошли к точке невозврата.

Через две недели она исчезла. Не пришла на сеанс, не ответила на звонки администратора. А еще через месяц я прочитал в деловой хронике о скандальном бракоразводном процессе года. Маргарита наняла лучших корпоративных аудиторов, подняла офшорные проводки

мужа за последние семь лет и выпотрошила его бизнес-империю до нитки, оставив титана инвестиций на грани банкротства и судебного преследования.

В день, когда суд утвердил мировое соглашение, в мой кабинет доставили курьерскую коробку. Внутри лежала пара винтажных ножниц для сигар из дамасской стали и короткая записка без подписи: *«Я научилась резать чужие галстуки. Спасибо, что не стали моим любовником — вы бы сгорели вместе со мной»*.

Я положил ножницы на стол. Они до сих пор там. Напоминание о том, что терапия — это не исцеление раны, а трансформация жертвы в более эффективного хищника.

Записка 2. Продавец тишины и фетиш невидимости

Люди склонны думать, что самые темные сексуальные девиации связаны с насилием, кровью, связыванием или групповыми оргиями. Наивные дети. Истинный мрак всегда тих, бесплотен и пахнет пылью библиотечных архивов.

Аркадий Семенович был человеком-призраком. Пятьдесят два года, ведущий конструктор закрытого НИИ, создатель алгоритмов наведения баллистических ракет. Человек с абсолютно стертыми чертами лица — из тех, кого свидетели преступления никогда не могут описать полиции: средний рост, среднее телосложение, серый плащ, бесцветные глаза.

Он пришел ко мне с жалобой на бессонницу. Но через сорок минут бессвязного бормотания выплыл истинный запрос.

— Доктор, я плачу проституткам огромные деньги. — Это не повод для визита к психотерапевту, Аркадий Семенович. Это статья расходов в бюджете одинокого мужчины. — Вы не понимаете, — его голос упал до шепота, он нервно оглянулся на закрытую дверь кабинета. — Я не прикасаюсь к ним. Ни разу за семь лет.

Я откинулся на спинку кресла, жестом предложив ему продолжать. — Расскажите подробнее. Что именно вы покупаете?

— Я нанимаю самых дорогих эскортниц. Тех, что берут от тысячи долларов за ночь. Я привожу их в снятый люкс пятизвездочного отеля. Я заставляю их принять душ, смыть всю косметику, надеть простую белую хлопковую рубашку… и лечь на кровать лицом к стене. — А вы? — А я сажусь в кресло в дальнем углу комнаты. В полной темноте. И приказываю им молчать и дышать как можно тише. Если девушка шевелится или издает звук, я штрафую ее на двести долларов. Я сижу там шесть часов. До рассвета. Я просто смотрю на силуэт чужого тела в темноте и чувствую, как растворяюсь. Исчезаю. Меня нет. Никто не знает, что я здесь. Женщина рядом, она живая, от нее исходит тепло, но для нее я — пустое место, призрак, сквозняк. В эти часы я испытываю такое наслаждение, от которого у меня перехватывает дыхание. Это глубже, чем любой оргазм. Это ощущение абсолютного небытия при сохранении сознания.

Фетиш аннигиляции. Крайне редкая форма перверсии, замешанная на колоссальном глубинном чувстве вины и тотальном выгорании эго. Аркадий тридцать лет жил в режиме строжайшей государственной тайны. Вся его жизнь была подчинена сокрытию информации, шифрованию, паранойе спецслужб. Его подлинное «Я» было стерто системой еще в молодости. И теперь его либидо могло реализоваться только через ритуальное исчезновение.

— Почему именно дорогие женщины? — спросил я. — Вы могли бы нанять статистку из массовки за сто долларов. — Нет, — покачал он головой. — Статистка ничего не стоит. Дорогая женщина — это воплощение тщеславия, роскоши, внимания всего мира. Мужчины сходят по ним с ума, платят состояния, унижаются ради их взгляда. И когда эта женщина лежит передо мной, бесправная, безмолвная, лишенная макияжа и лоска, низведенная до неподвижного биологического объекта, который даже не смеет повернуться и посмотреть на меня… Я чувствую себя абсолютным нулем. А ноль — это самое могущественное число в математике, Виктор. Умножьте на ноль любую вселенную — и останется только тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.